

Современное родительство как предмет исследования

Поливанова К.Н.,

профессор, Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия, kpolivanova@mail.ru

На материале анализа большого числа публикаций обсуждается современная социокультурная ситуация в проекции на современное родительство. Разводятся конструкты «parenthood» – родительство как социальная роль и «parenting» – родительство как процесс воспитания. Представлены основные социальные тренды: современное родительство анализируется и проблематизируется в связи с особенностями современных вызовов, с которыми сталкивается молодой образованный родитель. Среди этих трендов выделены следующие: размывание понятных, наглядно представленных опытом взросления стереотипов и образцов воспитания детей в семье, рост вариативности практик семейного воспитания, рост предложения на рынке товаров и услуг. Все это характеризует закат «естественного» родительства и его переход в область сознательно планируемых стратегий. В статье показано, что обращение к экспертному знанию, характерное для образованной части населения в ситуации родительства, приводит к новой неопределенности в силу содержательной несогласованности даваемых рекомендаций. Обсуждение трансформаций, переживаемых семьей, демонстрирует ее переход от детоцентричной к взрослоцентричной модели. Таким образом, обосновывается вывод о том, что современное родительство реализуется на фоне многих (осознаваемых и неосознанных) противоречий, в частности, между растущей значимостью ценности самореализации и сохраняющейся ценностью родительства, что не может не сказаться на переживании себя как родителя. Рост интереса к исследованию родительской идентичности и самоэффективности квалифицируется как перспективное направление исследований.

Ключевые слова: родительство, современная семья, современные социальные тренды.

Для цитаты:

Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. №3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301

For citation:

Polivanova K.N. Parenting and parenthood as research domains [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2015, vol. 7, no. 3, pp. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301. (In Russ., abstr. in Engl.)

Социальные изменения, происходящие сегодня с невиданной ранее быстротой, затрагивают все сферы жизни общества, в том числе и те, которые связаны с детством. В частности, сферу родительства. В западной литературе сегодня разделяют родительство как функцию, связанную с воспитанием (parenting), и родительство как особую социальную роль (parenthood). Это взаимосвязанные, но все-таки различные понятия. Родительство как воспитание детей весьма широко представлено и изучено, в первую очередь в психологической литературе, его изучение имеет давнюю традицию, восходящую в современной науке к З. Фрейду.

А конструкт «parenthood» стал широко обсуждаться в конце XX в., но не столько в русле психологии детско-родительских отношений, сколько в рамках социологии, политологии, культурологии, поскольку сама эта роль стала изменять свое содержание относительно иных социальных ролей и всего социального ландшафта жизни современного человека. Понятно, однако, что и изучение родительства как воспитания не может не испытывать влияния изменения социальной роли родителя в ряду других ролей и во взаимодействии с ними.

В данной статье мы хотим рассмотреть новые тренды в описании родительства в обоих смыслах этого термина, обратить внимание на те изменения, которые происходят в способах их «полагания», т. е. описать содержательный контекст, относительно которого дальнейшее изучение родительства может оказаться эвристичным.

Одна из первых публикаций, в которых прямо указывается на необходимость изучения родительства как такового (parenthood), – статья «Переход к родительству» А.С. Росси – вышла в 1968 г.[24]. Ее автор прямо указывает на недостаточность исследований, посвященных проблемам родительства, а затем описывает особенности современной ему социокультурной ситуации, которая характеризуется следующими чертами: социальное порицание отказа от деторождения, сдвиг вступления во взрослость с факта заключения брака к появлению ребенка, неподготовленность к появлению ребенка и отсутствие ясных признаков успешного родительства. То есть уже почти полвека назад ставились вопросы о противоречивости отношения общества к родительству: индивид не вправе принимать собственное решение и остается невзрослым, пока не станет родителем, с одной стороны, но лишен однозначных указаний, как «превратиться» в хорошего родителя и как им быть, – с другой.

Родительство испытало на себе те кардинальные социальные изменения, которые в конце XX в. – начале XXI в. происходили в мире. Менялась ткань социальной жизни, но одновременно менялись и представления об этой жизни [21]. В частности, так называемая феминистская критика во многом изменила представления о роли женщины в семье. Она спровоцировала внимание к предельному разнообразию и практик воспитания, и практик отношения к социальной роли, изменила представление о распределении обязанностей между матерью и отцом, заставила признать разнообразие, в частности, относительно этнических и расовых семейных практик, а также признать право на родительство независимо от сексуальной ориентации. В частности, М. Лакстон и К. Безансон [22] на примере политики западных стран подробно анализируют, какие изменения трудовой занятости и семейных практик происходили вследствие неолиберальных реформ. Они утверждают, что эти экономические и политические изменения приводят к перекладыванию ответственности, в том числе финансовой, с государственных структур на семьи, что в конечном итоге не уменьшает гендерные диспропорции в распределении общественных благ, поскольку женщина с ребенком ограничена в своих возможностях на рынке труда.

В 2000 г. вышла работа Т. Арденелла, одна из наиболее часто цитируемых статей, посвященных новым трендам в изучении родительства (материнства). В ней автор рассматривает оба конструкта родительства [12]. В этой работе представлен метаанализ исследований предшествовавшего публикации десятилетия и выделены два основных тренда. Первый касается уже упомянутого разделения двух линий анализа: родительство теперь изучается и как место родителя в широком социуме, и как практики воспитания детей. Второй тренд – изучение и описание все более разнообразных практик воспитания и, соответственно, существенно различающегося опыта воспитания детей и того, как он переживается родителями. Переживание собственной успешности как родителя

(родительская самоэффективность) – важнейшее направление исследовательского интереса.

Социально-экономические изменения в структуре семьи и профессиональной занятости матерей

За последние полвека произошли существенные социальные и экономические изменения семьи, которые кардинальным образом изменяют ткань детско-родительских отношений. В этой связи обычно указывают на тенденции уменьшения состава семьи, рост числа одиноких матерей, тенденции к повышению возраста появления первого ребенка. К этому следует добавить и важный, однако реже обсуждаемый, тренд – совмещение материнства с полной рабочей занятостью. Так, С. Декс, Х. Джоши и С. Макран [15] приводят портрет современной матери: образованная женщина, откладывающая рождение первого ребенка, возвращающаяся к полной профессиональной занятости до рождения второго ребенка. Если в 1979 г. 24 % матерей выходили на работу, имея детей до одного года, то к 1988 г. их уже почти вдвое больше – 45 %, а в 1996 г. – 67 % [17; 9]. Автор также указывает на поляризацию стратегий деторождения и воспитания: образованные матери с более поздним первым рождением и, как правило, более высоким доходом стремятся продолжить профессиональную карьеру и нанимают помощников для ухода за ребенком. Менее образованные матери с низкооплачиваемой работой склонны по возможности оставаться в роли домашней хозяйки.

Меняется состав семьи. Так, в США накануне Второй мировой войны более 75 % домохозяйств имели в своем составе брачную пару, в том числе около 43 % супругов с детьми, 33 % супругов без детей. Неполные семьи, представленные одиноким родителем с детьми, составляли немногим более 4 %, в период с 1960 г. по 1996 г. число детей, проживающих с двумя родителями, снижалось с 85 % до 68 %, в 2000-х гг. этот показатель был стабилен, но позже снижение продолжилось и в 2012 г. дошло до 64 %. Число детей также уменьшается. Сразу после Второй мировой войны число семей с детьми составляло около половины, после «бэби-бума» достигло 57 %, в 2012 г. составляло 43,5 %¹.

Кризис нормативности

Одно из важнейших направлений анализа родительства и как социальной роли, и как практик воспитания состоит в признании его диверсификации. Так, М. Очелс и Р. Золл [23] указывают на эрозию нормативных моделей родительства в конце XX в. Авторы обсуждают индивидуализацию как существенный социокультурный фактор современности и утверждают, что практически ни одна устойчивая социальная структура не избежала деформации. Проведенное эмпирическое исследование, вскрывает, в частности, диверсификацию стилей жизни. И как фокус исследовательского интереса – форм жизни семьи. Одна из них – жизнь в одиночку, которая становится все более распространенной. Например, в Германии до трети домохозяйств – это одиноко проживающие люди. Важно также, что данная форма становится все более принимаемой. Вторая из перечисленных примет конца XX в. – проживание пары без детей, в том числе и однополый. Все больше пар также проживают с детьми от предыдущих браков. Растет число пар, которые намеренно отказываются от родительства (движение, получившее название «childfree»).

Однако просто сам факт увеличения вариаций (форм) существования детей в семье – родительской или иной, полной или неполной – не является основанием для признания современного этапа как кризисного или переходного от одной устойчивой формы семьи к другой. Многообразие семейных организованностей существовало всегда. Суть современного этапа состоит в размывании идеала семьи. По Д. Элкинду [16], если в середине

¹ Данные с сайта <http://www.childtrends.org/?indicators=family-structure>

XX в. идеалом семьи была полная нуклеарная, а ее образом – совместная вечерняя трапеза, то в эпоху постмодерна – это бесконечное путешествие ребенка и, как правило, только одного родителя по жизни. Такую семью можно назвать «бесформенной» – она бесконечно меняется, трансформируется, ни одно ее состояние не является окончательным. Число эпитетов современной семьи весьма велико, назовем лишь некоторые – сетевая, матричная, гостевая и даже семья пэчворк (от patchwork – техника лоскутного шитья). Таким образом, важно признать, что сущность кризиса нормативности – не в расширении самих семейных практик, а в расширении числа образов семьи, которые задают (конфигурируют) реальные семейные практики.

Н. Датан и Л.Х. Гинзберг [14] прямо указывают, что разнообразие форм (в том числе и родительства) является прямым вызовом психологии развития, которая, по мысли авторов, существует как свод взглядов на относительно устойчивые формы и универсальные последовательности, будь то развитие ребенка или родителя. Именно разнообразие сегодня задает ландшафт исследования и кардинально меняет его.

Важным в связи с вышесказанным, но пока редко обсуждаемым, трендом является решение отказаться от рождения детей (childfree), с одной стороны, и настойчивое желание иметь детей вопреки медицинским осложнениям (медицинские техники преодоления бесплодия и усыновление), а также борьба за право иметь детей в гомосексуальной паре – с другой [18]. Эти новые явления социальной жизни и задают, независимо от их морально-этической оценки, понимание современной семьи: на примере именно таких форм родительства или отказа от него мы обнаруживаем, что ребенок становится следствием осознанного решения и многих усилий.

Исследования типов детско-родительских отношений в таких семьях пока не приводят к однозначным результатам. Так, С. Джонсон и Е. О’Коннор [20] обнаружили, что в нетрадиционных семьях сильнее детско-родительские связи и привязанность. Согласно отечественным данным, опубликованным Е.В. Соловьевой [9], спонтанно зачавшие матери имеют более реалистичные представления об актуальных возможностях и способностях своих детей; матери, зачавшие посредством ЭКО, чаще предъявляют к детям неадекватные их возрасту требования и имеют более высокие ожидания от своих детей. Пока это отрывочные данные, по которым нельзя судить об общей ситуации, но можно предположить, что объем подобных исследований будет нарастать. Однако сам факт появления таких исследований, как мы полагаем, свидетельствует о том, что родительство не исчерпывается традиционными моделями и становится все более разнообразным.

Современная семья – для ребенка или для взрослого?

По представлениям Д. Элkinда, постсовременная семья становится «проницаемой» [16]. Автор использует этот термин при описании тенденций разрушения границ семьи. Старая ядерная семья модерна задавала ясные и весьма строгие границы приватности-публичности, «домашности» и широкой социальности, в том числе и границы между ребенком и взрослым. Избирая термин «проницаемый», Д. Элkinд фокусируется на эрозии этих границ, показывает, что семья становится более уязвимой для влияний извне. В своем анализе исследователь также часто использует термин «несбалансированность» («imbalance»). Он указывает, что и старая, и новая семья имеют черты такой несбалансированности, но эти черты различны. Раньше родители имели безусловную власть над ребенком, строго указывали, предписывали ему, что делать и как поступать в различных ситуациях, авторитет родителей был непоколебим. Но воспитание детей было безусловной ценностью для семьи. Вся организация семейной жизни задавалась ценностью детства. В частности, дети в конкуренции с работой матери или отца всегда стояли на первом месте. Такая семья обеспечивала детство как устойчивое, воспроизводимое, защищенное и обеспечивающее воспроизводство.

Новая несбалансированность – значимость равных возможностей – выражается в подвержении сомнению приоритета воспитания среди других жизненных ценностей. Анализ ценностной сферы современных женщин репродуктивного возраста, проведенный Е.И. Захаровой, показал, что наибольшей значимостью для них обладают отношения с партнером (22 %), работа (19 %), получение удовольствия (17 %) и собственное Я (14 % от общей доли жизненных ценностей). Приверженность «childfree», с точки зрения автора, может быть охарактеризована особой ценностной структурой, в которой преобладает гедонистическая ориентация [3].

Одним из самых ярких стрессогенных следствий для семьи и родителей эпохи постмодерна стал постоянный двойной вызов – со стороны семьи и детей и со стороны карьеры и работы. В семьях с двумя работающими родителями сокращается время, проводимое с детьми, интересы детей в лучшем случае стоят на одном уровне с интересами взрослых (карьерными и личными), в худшем – ими пренебрегают в пользу интересов взрослых. Это приводит к снижению возраста обретения самостоятельности, по крайней мере внешне. Рост числа разводов и повторных браков также добавляет трудностей к взрослению.

Сегодняшняя семья в большей мере предоставляет возможности родителям: строить свою карьеру (и перекладывать уход за детьми на платных профессионалов); не продолжать неудачный брак, жить с сегодняшним партнером, соединяя детей от разных браков, и т. д. Но взросление в условиях неопределенных правил, прозрачных границ – гораздо более трудная задача.

В ситуации необходимости повышения квалификации, трудностей с поиском работы современные родители должны все больше отдавать предпочтение карьере в ущерб семье, причем на всех уровнях социальной лестницы. Причастность семье, примат семейных интересов явно был на пользу детям: он обеспечивал не только заботу, уход и безопасность, но и регулярность связей с родителями, способствовал приобретению опыта семейности.

Семья также обеспечивала и фильтрацию подходящего знания. Сегодняшнее детство – существенно иное, чем оно было раньше. Прежде это был период свободы от ответственности, время игр, учения и подготовки. Сегодня дети растут слишком быстро. Детство было заповедным садом, отделенным от жизни высокой стеной родительской опеки и защиты. Такая изолированность далее невозможна: масс-медиа и, конечно же, Интернет разрушили стены этого заповедного сада. Д. Элкин, однако, считает, что и сами родители внесли лепту в этот процесс, транслируя ценности успеха и высоких достижений все более юным детям. Целые секторы экономики навязывают родителям ощущение, что воспитание детей – это гонка за их будущим успехом. В известной мере справедлив тезис о том, что сам конструкт детства неразрывно связан с ядерной семьей эпохи модерна. Также можно признать, что такая семья была детоцентричной, поскольку была большим благом для детей, чем для родителей.

Просвещенное родительство?

Традиционно воспитание детей осуществлялось на основе сложившихся устойчивых практик, передаваемых из поколения в поколение непосредственно через образцы воспитания, через обычаи и ритуалы. Молодые родители к моменту появления у них своих детей, как правило, уже имели опыт воспитания младших братьев, сестер и других родственников, поскольку росли в многопоколенных многодетных семьях [8]. Освоение супружеской и родительской роли начиналось задолго до начала ее реализации. Формирование представлений о том, как быть мужем или женой, отцом или матерью в ходе наблюдения за родителями и прародителями позволяло подготовиться, сориентироваться в предстоящей деятельности [2].

К середине XX в. «широкая» сельская семья сменяется нуклеарной (ядерной), т. е. состоящей из родителей с детьми, а население развитых стран становится все более городским. Исчезает, таким образом, деревенский социум с его традициями, обрядами и ритуалами, постепенно исчезает и «гражданское родительство», когда все взрослые социума в известной мере остаются родителями по отношению ко всем детям. Такие социумы задавали образцы и нормы родительства, непосредственно и наглядно представляя их.

Сегодня в ситуации отсутствия ясных предписаний и необходимости принимать самостоятельные решения, индивид обращается к экспертному мнению, т. е. теоретическое знание проникает в социальную сферу. Рост значимости теоретического (или экспертного) знания Ф. Уэбстер рассматривает как одну из важных характеристик современного состояния общества (информационного или постиндустриального) [10]. Само принятие решения о рождении ребенка, психологическая подготовка к родительству рассматриваются как требующие систематической адресной помощи и квалифицированного сопровождения [5].

Появляются и развиваются устойчивые целостные модели воспитания детей – естественное родительство, альфа-родительство, в англоязычной литературе стал устойчивым термин «интенсивное родительство» («intensive parenting»). Это последнее направление включает в себя различные практики, которые связываются с идеей максимально способствовать развитию мозговых структур ребенка через соответствующую стимуляцию [7].

Важно подчеркнуть, что речь идет не просто об ориентации на некоторую теорию воспитания. Это системы предписаний, касающихся всех сторон жизни ребенка, начиная с появления его на свет. Так, например, естественное родительство начинается с естественных родов (в идеале – с полным отвержением медицинского вмешательства), затем ребенок все время находится в тесном телесном контакте с матерью, практикуется совместный сон, продолжительное грудное вскармливание, отказ от памперсов и т. д. Все эти практики объясняются научными данными, преимущественно теорией привязанности [1].

Такой возврат или поворот к родительству в современном обществе на фоне снижения устойчивости семьи и уровня рождаемости может казаться странным и неожиданным [6]. Однако психологически он вполне понятен: принятие физически и эмоционально затратных форм поведения в родительстве снимает внутреннюю обязанность принимать собственные решения. Следовать понятным научным предписаниям и объяснениям образованным матерям психологически проще, поскольку такое следование задает ясные ориентиры и, в известной мере, возвращает чувство безопасности. Потеря «пути к модели» родительского, в частности материнского, поведения приводит к необходимости поиска нового «пути к модели», который основывается на осознании нужд самого родителя, знании возрастно-психологических закономерностей развития ребенка, самой матери, и реализуется через систематическое обращение к экспертному сообществу, в частности – за психолого-педагогической помощью [11].

Однако и приверженность «научной» теории воспитания, оказывается, не полностью избавляет от стресса и груза ответственности. Так, в работе Дж. Уолл [25] было обнаружено, что матери, практикующие интенсивное материнство, переживают существенное социальное давление. Психологический стресс, который они испытывают, автор связывает с противоречием между «детоцентричностью» этого подхода и общей современной ориентацией на самореализацию, социальный успех и карьерные достижения. На этот разрыв указывал еще в 1996 г. С. Хэйс в книге с важным названием «Культурные противоречия материнства» [19]. Он выявил и описал современные ему противоречия родительства: давление общества, полагающего необходимость оставаться преданными

ребенку и одновременно требующего участия в трудовой деятельности. Новые популярные формы родительства – intensive parenthood – оказываются в такой противоречивой ситуации способом защиты от современного общества: принимая идеологию и предписания выбранного подхода, семья (и мать в большей степени) защищается от разнонаправленных социальных влияний. Однако матери, как оказалось, испытывают и чувство вины, и стресс, и это пробудило в обществе движения сопротивления жестким рамкам новых теорий воспитания.

По мнению К. Кнорр-Цетины, рост индивидуальности оборачивается свертыванием социального – традиционных ролей, форм группового поведения и т. д. То есть теряются образцы, которые раньше были даны непосредственно и наглядно. Именно эта потеря заставляет индивида обращаться к экспертному мнению, т. е. теоретическое знание проникает в ежедневную практику. Если продолжить мысль К. Кнорр-Цетины, то мы приходим к выводу о превращении ранее «естественного» в искусственное, создаваемое на основе знаний [4].

Заключение

Подводя итоги приведенным данным и их интерпретациям, мы можем констатировать следующее: современное родительство как социальная позиция претерпевает существенные изменения. Стремление к равенству гендерных ролей, рост образования и возможностей карьерного продвижения, развитие экономики – все это ведет к тому, что ценность родительства начинает конкурировать с ценностью профессиональной и жизненной успешности. Само решение о рождении ребенка в такой ситуации становится следствием осознанного выбора.

Распад традиционных практик воспитания, отсутствие опыта общения с младшими членами широкой семьи приводит к необходимости самостоятельно или с минимальной поддержкой выстроить собственное родительское поведение. Растущая ценность знания и доверия к нему в информационном обществе заставляет обращаться к экспертному мнению, а затем делать выбор между конкурирующими моделями. И, наконец, ценность детства в общественном дискурсе и неолиберальная направленность на рост ответственности индивида за все, что с ним происходит, повышают «цену» родительских решений относительно всего, что происходит с их ребенком – сегодня и в будущем.

Молодые родители хотят сохранить важный для них профессиональный статус и одновременно быть хорошими родителями, поскольку общество придает огромное значение детству и родительству. Эти принципиально рассогласованные требования делают современное родительство гораздо более трудным, чем когда-либо ранее. Повторим и еще раз подчеркнем: суть современной ситуации – не в том, что общественные запросы изменились, что изменились формы семьи и число детей, а в том, что они сегодня разнонаправлены и мозаичны. Это источник основного социального требования – выстроить собственную осознанную позицию и быть готовым ее защищать.

Фактически решением проблемы является построение новой (родительской) идентичности (неслучайно многое из изложенного заставляет вспомнить проблемы подросткового возраста с задачей построения собственной уникальной идентичности). Сегодня это направление выражается в обсуждении проблем «родительской самоэффективности» («parental self-efficacy») и других близких понятий. Это восходящее к работам А. Бандуры понятие описывает оценку человеком своих способностей и возможностей [13]. Именно самоэффективность определяет, возьмется ли человек за решение стоящей перед ним проблемы и насколько настойчиво будет ее решать. Высокая самоэффективность, таким образом, сегодня рассматривается как своеобразная защита от разнонаправленных общественных давлений.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Литература

1. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. *Захарова Е.И.* Представление о характере социальной роли как средство ориентировки в ее исполнении // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 38–41.
3. *Захарова Е.И.* Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 44–49.
4. *Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М: Территория будущего, 2006. С. 267–307.
5. *Ланцбург М.Е.* Роль психологической подготовки и поддержки в реализации родительских функций // Психологическая наука и образование. 2011. №1. С. 15–26.
6. *Майофис М., Кукулин И.* Новое родительство и его политические аспекты // Pro et contra. 2010. Т. 14. № 1–2. С. 6–19.
7. *Ньюфельд Г., Матэ Г.* Не упускайте своих детей. М.: Ресурс, 2012. 384 с.
8. Семья и деторождение в России: Категории родительского сознания / И. В. Забаев [и др.]; Ред. М.С. Ковалева; Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т. М.: Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2012. 223 с.
9. *Соловьева Е.В.* О материнском отношении к детям раннего возраста, зачатом посредством экстракорпорального оплодотворения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. Т. 6. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73567.shtml (дата обращения: 23.09.2015).
10. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 р.
11. *Филиппова Г.Г.* Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. 1998. № 5. С. 81 — 88.
12. *Arendell T.* Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship // Journal of Marriage and Family. 2000. Т. 62. № 4. P. 1192–1207.
13. *Bandura A.* Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. № 2. P. 191–215.
14. *Datan N., Ginsberg L.H. (ed.)* Life-Span Developmental Psychology: Normative Life Crises. Elsevier, 2013. 321 p.
15. *Dex S., Joshi H., Macran S.* A widening gulf among Britain's mothers // Oxford Review of Economic Policy. 1996. P. 65–75.
16. *Elkind D.* Ties that Stress: The New Family Imbalance. Harvard: Harvard University Press, 2009. 253 p.
17. *Gatrell C.* Hard Labour: The Sociology of Parenthood. McGraw-Hill: McGraw-Hill Education (UK), 2004. 400 p.
18. *Gillespie R.* Childfree and feminine Understanding the gender identity of voluntarily childless women // Gender and Society. 2003. Vol. 17. № 1. P. 122–136.
19. *Hays S.* The Cultural Contradictions of Motherhood. Yale University Press, Yale. 1996. 288 p.
20. *Johnson S., O'Connor E.* The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood. New-York. NYU Press, 2002. 280 p.
21. *Lüscher K.* Postmodern societies-postmodern families // The Family. Contemporary Perspectives and Challenges. 1998. P. 181–194.
22. *Luxton M., Bezanson K.* Social Reproduction: Feminist Political Economy Challenges Neo-Liberalism. Montreal. McGill-Queen's Press-MQUP. 2006. 323 p.

23. Oechsle M., Zoll R. Young people and their ideas on parenthood //European Parents in the 1990s: Contradictions and Comparisons. New Brunswic, New Jersey. Trasaction Publishers1991. P. 45 – 58.
24. Rossi A. S. Transition to parenthood // Journal of Marriage and the Family. 1968. Vol. 30, No. 1 (Feb., 1968), pp. 26-39
25. Wall G. Mothers' experiences with intensive parenting and brain development discourse //Women's Studies International Forum. Pergamon, 2010. Vol. 33. № 3. P. 253–263.

Parenting and Parenthood as Research Domains

Polivanova K.N.,

Ph.D., Professor, Institute of Education National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia, kpolivanova@mail.ru

The article presents an analysis of a number of publications which concern the modern socio-cultural situation and its consequences on contemporary parenthood. The constructs "parenthood" and "parenting" are presented: the first one refers to a social role of an adult with a child in relation to other social roles and the latter with the process of child rearing. The major social trends are presented: Contemporary parenthood is analyzed and problematized due to the nature of modern challenges faced by educated parents. The following trends are discussed: erosion of understandable, clearly presented stereotypes and patterns of child rearing in the family, increase of variability of practices of child-parent interaction, growth of supply on the market of goods and services. All these major social trends bring to the sunset of "natural" parenthood and the decision to have a child turns to be a consciously planned strategy. The article shows that the appeal to expert knowledge in child rearing which is characteristic of postmodern era leads to new uncertainties due to the variety of inconsistent advice and expertise. Discussion of the transformations experienced by the family shows the transition from child-centered to adult-centered pattern. Thus, the conclusion is that contemporary parenting takes place against many (conscious and unconscious) contradictions, particularly between the growing importance of the values of self-realization and commitment and the value of parenthood. This contradiction brings to stress and anxiety which in turn damages the perception of oneself as a parent. The growth of interest in the study of parental identity and self-efficacy is considered to be a promising direction of research.

Keywords: parenthood, parenting, contemporary family, contemporary social trends.

Acknowledgements

The research is fulfilled in the frame of the Program of Fundamental research Institute of Education National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia, 2015.

References

1. Boulbi Dzh. Privyazannost' [Attachment]. Moscow: Gardariki, 2003. 477 p.
2. Zakharova E.I. Predstavlenie o kharaktere sotsial'noi roli, kak sredstvo orientirovki v ee ispolnenii [Performance of nature of the social role, as an orientation and realization tools].

Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology], 2012, no.4, pp.38–41. (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Zakharova E.I. Usloviya stanovleniya negativnogo otnosheniya sovremennykh zhenshchin k materinskoj roli [Conditions of formation of a negative attitude to the modern women's maternal roles]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2015, no.1, pp.44–49. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Knorr-Tsetina K. Sotsial'nost' i ob"ekty. Sotsial'nye otnosheniya v postsotsial'nykh obshchestvakh znaniya [Society and objects. Social relations in postsocial knowledge societies]. In Vakhshain V. (ed.) *Sotsiologiya veshchei* [The sociology of things]. Moscow, 2006, pp. 267–307.

5. Lantsburg M.E. Rol' psikhologicheskoi podgotovki i podderzhki v realizatsii roditel'skikh funktsii [the role of psychological training and support in the implementation of parent functions]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2011, no. 1, pp. 15–26. (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Maiofis M., Kukul'in I. Novoe roditel'stvo i ego politicheskie aspekty [New parenthood and its psychological aspects]. *Pro et contra* [Pro et contra], 2010. Vol.14, no. 1-2, pp. 6–19.

7. N'yufel'd G., Mate G. Ne upuskaite svoikh detei [Don't miss your children]. Moscow: Resors, 2012. 384 p.

8. Zabaev I. V. (eds.) Sem'ya i detorozhdenie v Rossii: Kategorii roditel'skogo soznaniya [Family in Russia]. Moscow: Pravoslav. Svyato-Tikhonov. gumanitar. un-t., 2012. 223 p.

9. Solov'eva E.V. O materinskom otnoshenii k detyam rannego vozrasta, zachatym posredstvom ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya [Elektronnyi resurs] [Maternal attitude towards young children conceived through in vitro fertilization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73567.phtml (Accessed 23.09.2015). (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of information society]. Moscow: Aspect Press, 2004. 400 p.

11. Filippova G.G. Materinstvo: sravnitel'no-psikhologicheskii podkhod [Motherhood : a comparative psychological approach]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1998, no. 5, pp. 81 — 88. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Arendell T. Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship. *Journal of Marriage and Family*, 2000. Vol. 62, no. 4, pp. 1192–1207.

13. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977. Vol. 84, no. 2, pp. 191–215.

14. Datan N., Ginsberg L.H. (ed.) Life-Span Developmental Psychology: Normative Life Crises. Elsevier, 2013. 321 p.

15. Dex S., Joshi H., Macran S. A widening gulf among Britain's mothers. *Oxford Review of Economic Policy*, 1996, pp. 65–75.

16. Elkind D. Ties that Stress: The New Family Imbalance. Harvard: Harvard University Press, 2009. 253 p.

17. Gatrell C. Hard Labour: The Sociology of Parenthood. McGraw-Hill: McGraw-Hill Education (UK), 2004. 400 p.

18. Gillespie R. Childfree and feminine Understanding the gender identity of voluntarily childless women. *Gender and Society*, 2003. Vol. 17, no. 1, pp. 122–136.

19. Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. Yale: University Press, Yale, 1996. 288 p.
20. Johnson S., O'Connor E. *The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood*. New-York: NYU Press, 2002. 280 p.
21. Lüscher K. Postmodern societies-postmodern families. *The Family. Contemporary Perspectives and Challenges*, 1998, pp. 181–194.
22. Luxton M., Bezanson K. *Social Reproduction: Feminist Political Economy Challenges Neo-Liberalism*. Montreal: McGill-Queen's Press-MQUP, 2006. 323 p.
23. Oechsle M., Zoll R. Young people and their ideas on parenthood .*European Parents in the 1990s: Contradictions and Comparisons*. New Brunswick, New Jersey. Transaction Publishers, 1991, pp. 45 – 58.
24. Rossi A. S. Transition to parenthood. *Journal of Marriage and the Family*, 1968. Vol. 30, no. 1 (Feb., 1968), pp. 26–39.
25. Wall G. Mothers' experiences with intensive parenting and brain development discourse. *Women's Studies International Forum. Pergamon*, 2010. Vol. 33, no. 3, pp. 253–263.